

DOI: 10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137

EDN: STRLUR

Научная статья / Research article

Механизмы легитимации интервенций во внешней политике Испании

А. А. Андреева

Мадридский университет Комплутенсе, Мадрид, Испания

✉ arandree@ucm.es

Аннотация. Конец истории, провозглашенный на исходе XX в., гуманистическая повестка, глобализация, а также перераспределение центров силы оказали существенное влияние на реорганизацию постбиполярного миропорядка. Особое место занял дискурс о том, могут ли государства нарушить суверенные границы другого, чтобы предотвратить массовую гибель мирного населения. Объект исследования — нелегитимные военные интервенции с участием Испании, инициированные США и реализуемые под их руководством, предмет исследования — факторы, оказавшие влияние на принятие Испанией решения о присоединении к военным кампаниям, не санкционированным Советом Безопасности (СБ) ООН. Выявляя особенности подходов к применению силы в реализме, либерализме и структурализме, а также учитывая наработки бихевиоралистского подхода к международным отношениям, автор анализирует механизм эволюции процесса принятия внешнеполитических решений в демократической Испании. На примере первых гуманитарных интервенций Испании в Косово (1999) и Ираке (2003) воссозданы конъюнктурные и структурные факторы, которые повлияли на принятие политических решений по отправке испанских войск в эти страны в нарушение норм международного права. Сделан вывод, что поддержка гражданским обществом внешнеполитических решений, а также партийный консенсус сохраняют ключевую значимость для Испании при принятии решения об участии в интервенциях. При этом цель интервенций должна согласовываться с соображениями ответственности за мир, а не демонстрировать силу, которая может привести к эскалации и дестабилизировать региональную обстановку.

Ключевые слова: гуманитарные интервенции, национальные интересы, безопасность, гуманизм, Косово, Ирак, Ливия, Сирия, постбиполярный миропорядок

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Андреева А. А. Механизмы легитимации интервенций во внешней политике Испании // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2026. Т. 26, № 1. С. 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137>; EDN: STRLUR

Mechanisms for Legitimizing Interventions in Spain's Foreign Policy

Arina A. Andreeva

Complutense University of Madrid, Madrid, Spain

✉ arandree@ucm.es

Abstract. The “end of history” proclaimed at the close of the 20th century, alongside the rise of the humanitarian agenda, globalization, and the redistribution of centers of power, has significantly influenced the reorganization of the post-bipolar world order. A key focus has been the discourse on whether states may violate the sovereign borders

© Андреева А. А., 2026

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

of another in order to prevent mass civilian casualties. This study examines illegitimate military interventions involving Spain, initiated and led by the United States, and the factors that influenced Spain's decisions to join military campaigns not sanctioned by the UN Security Council. By identifying the distinctive approaches to the use of force within realism, liberalism, and structuralism, and by incorporating insights from the behavioral approach to international relations, the article analyzes the evolution of foreign policy decision-making in democratic Spain. Using Spain's first humanitarian interventions in Kosovo (1999) and Iraq (2003) as case studies, it reconstructs the opportunistic and structural factors that shaped the political decisions to deploy Spanish troops to these countries in violation of international law. The study concludes that support from civil society and inter-party consensus remain crucial for Spain when deciding whether to participate in interventions. The goals of such interventions must be consistent with considerations of responsibility for peace, rather than a demonstration of force that risks escalation and regional destabilization.

Key words: humanitarian interventions, national interests, security, humanism, Kosovo, Iraq, Libya, Syria, post-bipolar world order

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Andreeva, A. A. (2026). Mechanisms for legitimizing interventions in Spain's foreign policy. *Vestnik RUDN. International Relations*, 26(1), 126–137. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2026-26-1-126-137>; EDN: STRLUR

Введение

Движущие силы внешней политики — один из традиционных вопросов теории международных отношений (ТМО). В классическом реализме государства — главные акторы международной политики, которые стремятся обладать наибольшей властью. Другой отличительный термин словаря реалистов связан с концепцией силы. Именно она, согласно Г. Моргентау, ведет государства к целям, при этом главной целью является безопасность (Travis, 1952). Сила и безопасность легли в основу понимания и толкования реалистами национальных интересов, выступающих в качестве определяющих основ внешнеполитического планирования.

У идеалистов, напротив, государство стало проводником общественных ценностей. Одно из наиболее знаменитых течений этой школы — идеализм президента США В. Вильсона (1913–1921) — основывается на априорном толковании либеральной демократии как наилучшей формы организации обществ, а также убежденности в том, что доверительные отношения между государствами возможно установить при условии, что эти государства являются демократическими. Внешняя политика государств, по мнению идеалистов, согласуется со стремлением к миру на основе международного права, многосторонности

и при посредничестве международных организаций (Tovar Ruiz, 2014, p. 139).

Вследствие неубедительности аргументации касательно субъектности в международных отношениях, а также причин, лежащих в основе внешнеполитических решений (Ограничивается ли внешнеполитическая повестка только вопросами безопасности? Существуют ли объективные национальные интересы?), в ТМО на стыке научного знания возникали направления, в рамках которых исследователи пытались комбинировать и дополнять идеи реалистов и идеалистов.

В середине 1950-х гг. бихевиоралистская школа привнесла психологический аспект как критерий анализа внешней политики. Государство уже не воспринималось бихевиоралистами как некое абстрактное понятие. Решения принимались конкретными лицами, ответственными за внешнюю политику. Среди главных заслуг школы следует выделить разработку модели рационального выбора на основе теории игр Дж. фон Неймана (1944), выявление влияния взаимного восприятия сторон на повышение или снижение вероятности войны (Kim & Bueno de Mesquita, 1995), объяснение неверного толкования фактов (Fearon, 1995), роли общественного мнения (Mintz & DeRouen, 2010, p. 208) и «бюрократической политики» (Welch, 1992), а также отождествления

индивидом (или коллективом) себя со структурой, чьи интересы он представляет (Сучков и др., 2020, с. 66–68).

В попытке уйти от государственно-центричных моделей школа структурализма, в свою очередь, предложила рассматривать международные отношения в рамках горизонтальных (между государствами) и вертикальных (высшие уровни международных отношений) структур. В концепции сцепления (*linkage*) систем Дж. Розенау (Rosenau, 1969) выдвигает предположение, что в подавляющем большинстве стран власть принадлежит не государствам, а международным агентам, которые способны оказывать влияние на центры принятия внешнеполитических решений. В этой концепции автор пытается объяснить динамику международных конфликтов через идею связи (*link*) между внутренней и внешней политикой, таким образом вплетая в свою теорию идеи транснационализма и комплексной взаимозависимости (Keohane & Nye, 1977, p. 300).

Теория Дж. Ная и Р. Коheyна предлагает взглянуть на вопрос интересов через призму их совпадения. Именно общность интересов и поддерживающая их сеть организаций, норм, процедур и правил (режимов) обуславливает поведение государств, позволяя им сохранить монополию на власть в международных делах. Изначально международные режимы связывались с помощью бедным странам, защитой окружающей среды, регулированием СМИ и проч. В работах А. Хазенклевера, П. Майера и В. Риттбергера (Hasenclever, Mayer & Rittberger, 1996) режимы получили развитие в контексте идеи мультилатерализма, или дискурса о необходимости реформирования многосторонних механизмов международного сотрудничества, вызванной закатом гегемонии США. Последующая эволюция теории режимов утратила отсылки к транснационализму и преобразовалась в вариации на тему «постгегемонии», когда гегемон теряет традиционные рычаги давления посредством демонстрации военной мощи. Власть эта держава все же удерживает, но за счет монополии на ее иные виды (например, в рамках влияния на международные финансовые и экономические вопросы).

Более 30 лет критики ключевых идей реализма существенно не повлияли на их популярность. С 1990-х гг. теоретики активно совершенствовали подходы в отношении концепций безопасности и мирового порядка. За основу обновленных теорий о безопасности легла антитеза идеалистов о невозможности выработать эффективную формулу мира. Напротив, ученые сделали предположение, что свойством универсальности обладает концепт безопасности как поиск минимизации вреда от потенциальных рисков, которые угрожают индивидам, группе или обществу. Принимая принципиальный тезис реалистов о том, что безопасность — это основополагающее условие функционирования государств и их первостепенный интерес, Б. Бузан и О. Вэйвер (Buzan & Wæver, 2003) утверждают, что внешняя политика выстраивается на принципе «силы» или «слабости». Как следствие, в международных делах возрастает уровень неопределенности и опасности. Чтобы добиться относительных преимуществ в рамках сложного миропорядка, государства могут с выгодой использовать взаимозависимость интересов. Действуя через систему союзов, они гарантируют свой суверенитет и легитимность, а также снижают риски и издержки для их поддержания. Этот вид системы получил название «региональный комплекс безопасности» (*regional security complex*).

Частая смена тенденций в международных отношениях стала лейтмотивом исследований в отношении мирового порядка. Среди этих теорий выделяется концепция турбулентности Дж. Розенау. Главный тезис автора заключается в том, что турбулентность в международных делах проявляется в виде технологических революций, кризиса авторитетности, повышения уровня конфликтности — подобно тому, как «метеорологическая турбулентность выражается в ураганах, торнадо и наводнениях» (Rosenau, 1990, p. 480). Турбулентность представляет собой глубокий структурный кризис системы, при котором структуры и отношения, которые поддерживают международную политику, начинают разрушаться под давлением слишком сильных и спонтанных колебаний.

С конца XX в. характерными феноменами мировой политики стали глобализация, гуманизация международной повестки¹ и перераспределение глобальных центров силы. Данные явления качественно повлияли на развитие международных отношений, конфликтность и способы достижения мира ненасильственным путем, а также через принуждение. Миротворческие операции Организации Объединенных Наций (ООН) преобразовались в более комплексные, а в связи с отсутствием у организации технических и финансовых ресурсов к этим операциям привлекались региональные институты безопасности (например, Организация Североатлантического договора (НАТО) в 1994–1995 гг. в Боснии)².

Существенное влияние на развитие практики принуждения к миру оказали геноцид в боснийской Сребренице (1994) и Руанде (1995), когда стало очевидно, что возможности миротворцев ООН серьезно ограничены принципом применения силы только для самозащиты. В поисках альтернативного решения ведущие государства мировой арены (прежде всего США) исходили из соображений о том, что предотвращение гуманитарной катастрофы — цель чрезвычайного порядка. Так возникли гуманитарные интервенции, в ходе которых порой нарушался принцип

суверенитета и беспристрастности посредников (Bellamy, 2018, p. 956).

В юридической практике гуманитарные интервенции не имеют общепризнанного определения. Этот термин появился в докладе Л. Брахими (2000)³ и в последующем докладе Международной комиссии по вопросам вмешательства и государственного суверенитета (2001)⁴. Под гуманитарной интервенцией понимается несогласованное с официальным правительством государства вмешательство в его внутренние дела с целью предотвращения массовой гибели людей (Seybolt, 2007). В новейшей истории можно найти немало примеров различных гуманитарных интервенций, что затрудняет их классификацию. Имеются прецеденты, когда организаторы подобных операций нарушили VI и VII главу Устава ООН (согласие всех вовлеченных сторон конфликта и одобрение Совета Безопасности (СБ) ООН), а также когда было получено прошение от легитимных властей (Демократическая Республика Конго в 1960 г.⁵ и Сьерра-Леоне в 1999 г.⁶).

В свете вышеизложенного можно сделать вывод, что при трактовке правомочности гуманитарных интервенций акценты смещаются с формально-юридического поля в сторону нарратива. Первый из них — идеалистическое представление о высшей ценности прав

¹ В докладе ООН 1994 г. о человеческом развитии безопасность, вопреки трактовкам реалистов, предложили понимать через призму двух категорий: свободу от страха и свободу от нужды. В 2000 г. вышел доклад Л. Брахими. Его авторы продолжили развивать идею о центральном месте человека в политике и рекомендовали считать защиту граждан (и не только своих) от военных преступлений и геноцида обязанностью государства.

² Security Council Unanimously Authorizes Multinational Military Implementation Force to Ensure Compliance with Peace Agreement for Bosnia and Herzegovina // The United Nations. December 15, 1995. URL: <https://press.un.org/en/1995/19951215.sc6143.html> (accessed: 17.01.2024).

³ Identical Letters Dated 21 August 2000 from the Secretary-General to the President of the General Assembly and the President of the Security Council, A/55/305S/2000/809 // The UN Peacekeeping. August 21, 2000. URL: https://peacekeeping.un.org/sites/default/files/a_55_305_e_brahimi_report.pdf (accessed: 17.01.2024).

⁴ The Responsibility to Protect: Report of the International Commission on Intervention and State Sovereignty, 2001 // Global Centre for the Responsibility to Protect. December 1, 2001. URL: <https://www.global2p.org/wp-content/uploads/2019/10/2001-ICISS-Report.pdf> (accessed: 17.01.2024).

⁵ См.: Cable Dated 12 July 1960 from the President of the Republic of the Congo and Supreme Commander of the National Army and the Prime Minister and Minister of National Defence addressed to the Secretary-General of the United Nations, S/4382 // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/619887?ln=ru&v=pdf> (accessed: 01.12.2024); Resolution Adopted by the Security Council at Its 873rd Meeting on 13 July 1960 [Calling upon Belgium to Withdraw Its Troops from the Congo (Capital Leopoldville)], S/4387 // The United Nations Digital Library. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/619961?ln=ru&v=pdf> (accessed: 01.12.2024).

⁶ Resolution 1270 (1999) Adopted by the Security Council at its 4054th meeting on 22 October 1999, S/RES/1270 (1999) // The United Nations. URL: [https://docs.un.org/en/S/RES/1270\(1999\)](https://docs.un.org/en/S/RES/1270(1999)) (accessed: 01.12.2024).

человека, ради защиты которых можно допустить нарушение государственного суверенитета (Баранин, 2014). Второй нарратив перекликается с концепцией Дж. Розенау о сцеплении внутренней и внешней политики, взаимозависимости и безопасности, когда конфликт в соседнем государстве потенциально может дестабилизировать обстановку в регионе. В условиях потенциальной угрозы национальной безопасности государства не могут пассивно наблюдать за развитием конфликта. Третий нарратив — это дискурс теории режимов касательно регулирующих свойств системы в отношении международного порядка.

Последняя идея тесно связана с критикой работы ООН из-за ее излишней бюрократизации, не позволяющей организации своевременно реагировать на быстро изменяющуюся реальность (Спирин, 2010). Напротив, страны «коллективного Запада», находящиеся в авангарде «конца истории», о котором писал Ф. Фукуяма (Fukuyama, 1989), своеобразно интерпретируя Г.В.Ф. Гегеля, апеллировали к своему моральному праву строить новый миропорядок на основе принципов либеральной демократии и универсальных ценностей (Лыжина, 2010, с. 59). В условиях, когда гражданское общество — это один из механизмов системы сдержек и противовесов исполнительной власти в либеральных демократиях, равнодушное общественное мнение, а не международное право стало главным легитимирующим инструментом интервенций (Sánchez, 2003).

С критической оценкой в отношении общественного мнения высказался испанский социолог Н. Мичавила Нуньес (Michavila Núñez, 2011). Согласно его исследованиям, поддержка подобных операций — это продукт политических технологий, а не рационального осмысления обществом международных

процессов и прогресса истории. Его выводы основываются на триаде «единство политических элит — контроль над СМИ — общественное мнение». В этой формуле большую роль играет так называемый «эффект CNN», или искусственно подогреваемый ажиотаж публики к определенному событию и навязывание СМИ установленной позиции. Особую важность приобретает задача донести до граждан угрозу гуманитарной катастрофы и идею благородных побуждений интервентов.

Не меньшее влияние на симпатии масс оказывает единство ключевых партий. Граждане поддерживают решение правительства, если между правящей партией и оппозицией достигается консенсус. Этот феномен известен как «ралли вокруг флага» (*rally around the flag*). Раскол между политическими элитами выражается расколом общественного мнения по принципу близости к позиции той политической партии или этнической группы, с которой граждане себя ассоциирует (Michavila Núñez, 2011, p. 54).

Учитывая наличие у Испании ресурсной базы и политической воли для участия в военных миссиях НАТО⁷, определенный интерес вызывает используемая на национальном уровне формула легитимации нарушающих международное право интервенций под руководством США, особенно учитывая тот факт, что соблюдение таких принципов, как мирное разрешение споров, многосторонность и поддержка ООН, — это декларируемые с 1984 г. преемственные императивы внешней политики Испании.

Объектом данного исследования выступают нелегитимные военные миссии гуманитарного и военного характера с участием Испании, проводимые под эгидой США. Предмет исследования — условия формирования и эволюция внешней политики демократической Испании.

⁷ По данным Всемирного банка, доля участия Испании в мировом ВВП на 2022 г. 15-е место в мире, что соответствует примерно 1,4 % мирового ВВП. По данным НАТО, в 2021–2022 гг. Испания тратила на оборону 1,04–1,09 % ВВП. Исходя из информации Министерства обороны Испании, армия страны, по состоянию на январь 2024 г., участвовала в семи действующих операциях альянса в Восточной Европе, на Ближнем Востоке, Средиземноморье и в районе Суэцкого канала. См.: GDP (Current US\$) — Spain // The World Bank. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=ES> (accessed: 12.02.2025); Defence Expenditure of NATO Countries (2014–2022). P. 8 // NATO. URL: https://www.nato.int/content/dam/nato/legacy-wcm/media_pdf/2023/3/pdf/230321-def-exp-2022-en.pdf (accessed: 12.02.2025).

В российской науке сложилась собственная школа испанистики, центрами которой, прежде всего, выступают Институт Латинской Америки Российской академии наук (ИЛА РАН), Институт Европы РАН (ИЕ РАН), Институт всеобщей истории РАН (ИВИ РАН), Московский государственный институт международных отношений, Высшая школа экономики и Российский университет дружбы народов. Внешней политике Испании посвящено немало монографий и статей, ведущими специалистами в этой области являются П.П. Яковлев (2011), А.Ю. Борзова, О.В. Волосюк (Борзова, Волосюк, Николашвили, 2022) и др. О миротворчестве, военно-техническом сотрудничестве Испании писали А.А. Андреева (2019), И.Л. Прохоренко (2020) и Н.А. Ростов (2019). Тема партийной борьбы в Испании отражена в исследованиях А.А. Куракиной-Дамир (Куракина-Дамир, 2020) и С.М. Хенкина (Хенкин, 2023).

В то же время в российской науке с трудом можно найти работы, посвященные процессам принятия внешнеполитических решений в отношении нелегитимных военных операций и отвечающие на вопросы, почему Испания участвовала в этих миссиях, на каких условиях и какие внутренние и внешние процессы оказали влияние на принятие подобных решений. В этой связи данное исследование призвано отчасти заполнить эту лауну, проанализировав условия вовлеченности страны в миссии, руководимые США, в Косово (1999), Ираке (2003), Ливии (2011) и Сирии (2014).

Внешиполитическая стратегия Испании: прагматизм, основанный на принципах, или беспринципный прагматизм?

Современная внешняя политика Испании начала формироваться в переходный период становления представительной демократии (1975–1978). Однако ее общие контуры

были намечены в 1984 г., когда председатель правительства Ф. Гонсалес (1982–1996) представил парламенту Декалог — 10 пунктов внешнеполитической стратегии страны. Его ключевые идеи — нормализация отношений с США, европейская интеграция, активная, а также относительно независимая политика в Латинской Америке, Северной Африке и Средиземноморье — сохранили свою актуальность до сих пор.

Для испанского внешнеполитического планирования долгое время была характерна инертность и неторопливое осмысление качественных изменений структуры международных отношений, происходивших с конца XX в.⁸, среди которых крах биполярного мира и распространение гегемонии США, гуманизация международной повестки, возвышение новых центров силы и переход к многополярности (или неполярности) мировой политики. Нормативные конструкции внешних стратегий Испании не имели четко проработанного закрепления на законодательном уровне, строились устно и *ad hoc* (Molina, 2015).

Формированию «традиции» способствовала унаследованная от транзитного периода практика бесконфликтного подхода, когда партии предпочитали не обсуждать те вопросы, которые могли нарушить хрупкий политический баланс. Ситуация изменилась после выборов 1982 г., в ходе которых социалисты во главе с Ф. Гонсалесом сыграли на поляризации общества, вызванной решением кабинета Л. Кальво Сотело (1981–1982) вступить в НАТО (Яковлев, 2011).

Тем не менее натовский вопрос не переломил ситуацию в отношении глубинной проработки стратегии внешней политики Испании. Контурь этой стратегии по-прежнему размыто формулировались в предвыборных программах партий. Де-факто конкретные решения по-прежнему принимались кулуарно и зависели от конъюнктуры и лидерских качеств отдельных партийных руководителей

⁸ Национальная школа международных отношений появилась с созданием соответствующей кафедры в Мадридском университете Комплутенсе в 2008 г., а первая Стратегия внешней политики (не считая Декалога) вступила в силу лишь в 2015 г.

(Molina, 2015). Как отмечает С.М. Хенкин, такой политический дирижизм стал естественным явлением для Испании (Хенкин, 2023, с. 46). При этом персоналистский (каудильистский) стиль правления партийных лидеров — характерная черта как левых, так и правых партий.

Серьезный пересмотр внешнеполитических ориентиров и внешнеполитического планирования пришелся на краткий период второй легислатуры Х.М. Аснара (2002–2004) и был связан с отклонением от практики парламентского консенсуса, общественной поддержки, сменой внешнеполитических ориентиров, а также с нарушением принципов многосторонности и глобального управления в пользу билатерализма и гегемонии США. С. дель Ареналь объясняет неоконсервативный курс Испании объективными причинами, связанными с изменением структурных факторов: увеличением негативных эффектов от трансграничных угроз (криминал, терроризм, нелегальная миграция), а также перераспределением власти и приоритетных повесток внутри Европейского союза (ЕС) вследствие его расширения. В последнем случае количество сторонников евроскептицизма возрастало за счет стран Восточной Европы, которые были склонны видеть в ЕС, прежде всего, экономический, а не политический и военный институт. Кроме того, блокирование Францией решения ЕС по конфликту между Испанией и Марокко в 2002 г. свидетельствовало о том, что Мадрид с трудом мог изменить отношение к себе как «государству с ограниченными ресурсами»⁹.

Амбициозная политика Х.М. Аснара была направлена на то, чтобы, с одной стороны, компенсировать неизбежное ухудшение

политических позиций Испании в ЕС, а с другой — обеспечить себе статус в новом миропорядке во главе с США (Calduch Cervera, 2006). Внешнеполитический эксперимент закончился неудачно: после незаконного вторжения в Ирак в 2003 г. в Испании резко возрос уровень террористической опасности. Такую цену граждане не были готовы платить.

Особым принципом внешней политики стала идея Х.Л. Родригеса Сапатеро (2004–2011) о роли гражданского общества как легитимирующего инструмента деятельности государства¹⁰. При М. Рахое (2011–2018) этот тезис получил дальнейшее развитие. По крайней мере де-юре в первой стратегии внешнеполитического действия Испании (2015)¹¹ забота о человеческих нуждах по линии защиты прав человека и борьбы с бедностью была провозглашена приоритетной задачей, тогда как де-факто правительство консерваторов существенно сократило финансирование на цели развития, а самой частой темой дипломатии стало развитие двусторонних торговых отношений (Molina, 2015).

Внешняя политика действующего председателя правительства П. Санчеса реализуется без существенных изменений магистральных линий предшественников и отличается особым деидеологизированным прагматизмом. С одной стороны, дискурс о правах человека дополнился нарративом об инклюзивности традиционно отстраненных от процесса принятия политических решений коллективов (женщин, инвалидов, ЛГБТ¹²)¹³. Особую позицию Мадрид занял в отношении эскалации палестино-израильского конфликта, произошедшей в октябре 2023 г. Вопреки большинству партнеров ЕС и НАТО П. Санчес осудил

⁹ Arenal del C. Consenso y disenso en la política exterior de España. Documento de trabajo // Real Instituto Elcano. 2 de junio de 2008. URL: <https://www.realinstitutoelcano.org/documento-de-trabajo/consenso-y-disenso-en-la-politica-exterior-de-espana-dt/> (accessed: 20.10.2025).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Estrategia de acción exterior. Resumen ejecutivo // Ministerio De Asuntos Exteriores y de Cooperación. 2015. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/ServiciosAlCiudadano/PublicacionesOficiales/2015_RESUMEN%20EJECUTIVO_%20ESTRATEGIA%20DE%20ACCION%20EXTERIOR%20ESP.pdf (accessed: 19.01.2025).

¹² Организация признана экстремистской в Российской Федерации.

¹³ Estrategia de acción exterior 2021–2024 // Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (accessed: 19.01.2025).

действия Израиля, заявив, что право на самозащиту не может служить предлогом применения непропорционального коллективного наказания¹⁴. С другой стороны, Испания продолжает поставлять вооружение в страны, находящиеся в состоянии конфликта (Украина¹⁵ и Израиль вплоть до введения эмбарго в 2024 г.¹⁶), способствуя затягиванию процесса дипломатического разрешения.

Формула участия Испании в интервенциях НАТО: союзная солидарность и репутационные издержки

Национальный бренд страны, основанный на «моральном престиже», включает в себя положения о мирном распространении демократических ценностей, принципов многосторонней дипломатии и равноправия всех субъектов международных отношений, политической этике, соблюдении международного права и защите механизмов глобального управления¹⁷. На практике эти установки не всегда соблюдались и даже вступали в противоречие с реальностью, когда Мадрид решал принять участие в нелегитимных гуманитарных интервенциях и военных миссиях, которыми руководили США.

Первые подобные интервенции относятся к бомбардировкам Сербии в 1999 г. и вторжению в Ирак в 2003 г. Участие испанских военных в обеих операциях были одобрены Х.М. Аснаром, чей стиль руководства, как было объяснено ранее, хрестоматийно соответствует каудильистскому типу партийного лидерства. Общественная реакция на обе операции была различной и зависела от декларируемых целей и результатов кампании.

Бомбардировки гражданских объектов в Сербии, по мнению ее организаторов, должны были предупредить этнические чистки в отношении косовских албанцев и заставить сербскую сторону подписать мирные договоренности. Достигнутые соглашения, а также отсутствие насилия против мирного населения Косово стали аргументами в пользу успешности операции, поэтому вскоре первая протестная реакция в Испании сменилась широкой общественной поддержкой (Avilés Farré, 2000).

Интервенция в Ирак, которая также началась с общественных протестов в Испании, через год закончилась полным провалом как с точки зрения исполнения цели миссии, так и в плане внутренней пропаганды. Свидетельств ядерной программы президента Ирака С. Хусейна (1979–2003) найдено не было, и социалистическая оппозиция выступила с резкой критикой одностороннего решения правительства Х.М. Аснара об участии в иракской кампании, а общественное мнение раскололось в отношении второго предлога операции — положить конец систематическим нарушениям прав человека со стороны иракского режима.

Террористические атаки в Мадриде 11 марта 2004 г., подготовленные радикально настроенными исламистами, ознаменовали конец дискуссий (Barrenechea, 2017). Угроза внутренней безопасности страны, возникшая в результате вовлеченности страны в противоправную военную интервенцию, стала главным аргументом для проведения досрочных парламентских выборов.

Иракская кампания также повлияла на развитие испанского законодательства в области миротворчества (Pérez Muínelo, 2009).

¹⁴ Losada A. Pedro Sánchez ha dicho tres verdades // *El Diario*. 26 de noviembre de 2023. URL: https://www.eldiario.es/opinion/zona-critica/pedro-sanchez-dicho-tres-verdades_129_10719571.html (accessed: 12.10.2023).

¹⁵ Litnarovych V. Spain Supplied Nearly Half of Its Ammo Production in 2023–2024 to Ukraine // *United24Media*. March 25, 2025. URL: <https://united24media.com/latest-news/spain-supplied-nearly-half-of-its-ammo-production-in-2023-2024-to-ukraine-7032> (accessed: 10.05.2025).

¹⁶ The Government of Spain Strengthens the Arms Embargo on Israel, and Bans Imports from Illegal Settlements in Palestinian Territories // *La Moncloa*. September 23, 2025. URL: <https://www.lamoncloa.gob.es/lang/en/gobierno/councilministers/paginas/2025/20250923-council-press-conference.aspx> (accessed: 12.12.2025).

¹⁷ Estrategia de acción exterior 2021–2024 // *Ministerio de Asuntos Exteriores y de Cooperación*. URL: https://www.exteriores.gob.es/es/Comunicacion/Noticias/Paginas/Noticias/20210128_MINISTERIO13.aspx (accessed: 19.01.2025).

Органическим законом 2005 г. предписывалось получить одобрение либо СБ ООН, либо НАТО и ЕС на начало операции. В последних двух случаях выдвигалось дополнительное условие — операция не должна нарушать принципы международного права. Кроме того, правительство обязалось заручиться поддержкой парламента¹⁸.

Наглядным примером в контексте сдержек и противовесов этически сомнительных операций служит интервенция в Ливию (2011), которая, несмотря на резолюцию СБ ООН и единство испанских политических партий (336 из 340 депутатов проголосовали за начало военной кампании), для Мадрида завершилась полгода спустя в связи с убийством М. Каддафи¹⁹. Смена политического режима в ходе исполнения Резолюции СБ ООН 1973 от 2011 г. послужила основанием для обвинения миротворцев в том, что они стали инструментом продвижения национальных политических и энергетических интересов европейских государств, не имеющих ничего общего с декларируемыми гуманитарными целями интервенции²⁰.

Ситуация с Сирией в 2014 г. для Мадрида оказалась более сложной. В связи с вето России и Китая СБ ООН не смог принять резолюцию о начале миротворческой миссии (2012, 2014). США же в рамках НАТО создали антитеррористическую коалицию против «Исламского государства Ирака и Леванта»²¹. Правительству М. Рахоя пришлось решать дилемму о том, какой из принципов обладает приоритетом: союзная солидарность или уважение государственного суверенитета.

Несмотря на то, что борьба с терроризмом — многолетняя проблема безопасности Испании, парламент так и не смог прийти к общему решению, и отправка испанских военных в Сирию не состоялась. По всей вероятности, издержки и выгоды от помощи антитеррористической коалиции НАТО для Мадрида могли бы закончиться повторением сценария иракской кампании 2003 г., то есть привести к значительному повышению уровня террористической угрозы от радикально настроенных исламистов (Caballero Díez, 2020). Поэтому в Монклоа решили поддержать союзников на логистическом направлении, а также в обучающих антитеррористических программах для арабских государств, но при условии содействия местных правительств (López-Jacoiste, 2015, p. 75).

Дипломатически страна заняла амбивалентную позицию. С одной стороны, на словах Мадрид поддерживал удары по войскам президента Сирии Б. Асада, которые наносили США и их союзники в Сирии под предлогом защиты местного населения от «зверств» правящего режима, называя эти удары «легитимными, пропорциональными и преследующими тактические цели». С другой стороны, правительство Испании подчеркивало, что мир на Ближнем Востоке не может быть достигнут без участия Москвы и Пекина, и поэтому призывало — хотя и не очень активно — союзников к компромиссу²².

Текущая ситуация в Красном море, связанная с атаками йеменских хуситов на коммерческие международные суда, создает те же дилеммы для внешней политики Испании в связи с тем, что официальный Йемен не сотрудничает

¹⁸ Ley Orgánica 5/2005, de 17 de noviembre, de la Defensa Nacional // Agencia Estatal Boletín Oficial del Estado. URL: <https://www.boe.es/eli/es/lo/2005/11/17/5/con> (accessed: 12.12.2024).

¹⁹ España se niega a una mayor implicación en Libia tal como le reclama la OTAN // TeleMadrid. 9 de junio de 2011. URL: <https://www.telemadrid.es/noticias/internacional/Espana-implicacion-Libia-reclama-OTAN-0-1252974727--20110609043049.html> (accessed: 06.11.2025).

²⁰ La Armada Española en el conflicto de Libia // Ministerio de Defensa. Gobierno de España. URL: <https://armada.defensa.gob.es/ArmadaPortal/page/Portal/ArmadaEspañola/conocenos/especiales/prefLang-es/05actividades--97operacion-libia> (accessed: 15.02.2025).

²¹ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организаций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

²² Qué papel juega España en el ataque de EE UU a Siria // 20 minutos. 14 de abril de 2018. URL: <https://www.20minutos.es/noticia/3313887/0/ataque-siria-que-papel-juega-espana/> (accessed: 16.12.2023).

с НАТО в борьбе с повстанцами. В конце декабря 2023 г. Мадрид заблокировал предложение Брюсселя об изменении мандата действующей миссии Евросоюза, направленной на борьбу с пиратством в Индийском океане (операция «Атланта»), в целях участия стран ЕС в осуществляемых под руководством США операциях по защите кораблей в Красноморском регионе²³. Вместо этого испанская делегация рекомендовала организовать независимую операцию европейских государств для обеспечения мирного судоходства в этом регионе²⁴.

12 января 2024 г., в день нарушения суверенитета Йемена в результате ударов США и Великобритании по позициям хуситов, министр обороны Испании М. Роблес заявила, что страна не будет участвовать в миссии США «Страж процветания» (*Guardian of Prosperity*), несмотря на то, что Королевство появилось в списке участников операции, распространенном Вашингтоном. Подробных официальных объяснений причин отказа не последовало. М. Роблес ограничилась общими словами о том, что при принятии решения кабинет руководствовался соображениями ответственности за мир²⁵.

Вместо заключения: *Quo vadis?*

Испания относится к государствам «коллективного Запада», входя в состав его центральных институтов — НАТО и ЕС. Нацеленность официального руководства страны на активное участие в международных делах, не имея солидной экономической (страна с 2008 г. с завидной периодичностью становится заемщиком европейских фондов поддержки),

военной²⁶ и дипломатической опоры (не является постоянным членом Совета Безопасности ООН, в течение 2010-х гг. не способна была пролоббировать повышение значимости антитеррористической повестки в НАТО на фоне озабоченности Альянса «российской угрозой» и т. д. (Андреева, 2022, с. 108–109)), заставляет Мадрид лавировать между союзнической солидарностью и собственным нарративом, который качественно отличает ее среди остальных крупных международных акторов. Последний основывается на гуманистическом подходе, легитимности, социальной повестке, инклюзивности и равноправии.

Следование этим принципам особенно ярко проявилось в дипломатии Испании по вопросу палестино-израильского конфликта, вновь обострившегося в октябре 2023 г. Основываясь на убежденности, что мир на Ближнем Востоке невозможен без создания палестинского государства, Мадрид выдвинул первую за долгие десятилетия самостоятельную внешнеполитическую инициативу, открыто противоречащую позиции большинства государств ЕС. Однако следует отметить циничный прагматизм этой инициативы: в течение нескольких месяцев конфликта, пока руководство Испании рассуждало на тему справедливости, мира и безопасности, а также предлагало странам Ближнего Востока план по урегулированию конфликта, в Израиль вплоть до введения эмбарго продолжало поступать испанское вооружение.

Положить конец страданиям человека, чьи права систематически и грубо нарушаются во время конфликтов, — главный аргумент, который использует правительство Испании, чтобы мотивировать гражданское

²³ Spain Blocks EU Participation in US Operation in Red Sea — Newspaper // TASS. December 22, 2023. URL: <https://tass.com/world/1725277> (accessed: 24.02.2025).

²⁴ Spanish PM Open to Creation of New EU Mission to Protect Vessels in Red Sea // Reuters. December 27, 2023. URL: <https://www.reuters.com/world/spanish-pm-open-creation-new-eu-mission-protect-vessels-red-sea-2023-12-27/> (accessed: 14.03.2025).

²⁵ Soto R. Operación Guardián de la Prosperidad en el Mar Rojo: España asegura que “no participará” en la misión de EEUU // Newtral. 16 de enero de 2024. URL: <https://www.newtral.es/espana-operacion-guardian-prosperidad/20240116/> (accessed: 18.01.2025).

²⁶ В 2022 г. на фоне специальной военной операции России на Украине Испания существенно увеличила оборонные ассигнования. К 2029 г. Испания планирует повысить финансирование оборонного бюджета до 2 % от ВВП. См.: Spain Will Gradually Raise Spending on Defence to 2 % of GDP by 2029 // Reuters. June 30, 2022. URL: <https://www.reuters.com/markets/europe/spain-will-gradually-raise-spending-defence-2-gdp-by-2029-2022-06-30/> (accessed: 12.11.2025).

общество поддержать инициативы страны в вопросах мира и безопасности. Участие Мадрида в нелегитимных миссиях запрещено законодательством с 2005 г., на выработку этого решения повлияли негативные последствия иракской кампании (2003), приведшие к возникновению угрозы исламистского терроризма. Партийный консенсус, а также общественная поддержка стали ключевыми элементами при принятии решения об отправке войск в Ирак. Поэтому операция в Ливии для Испании закончилась со смертью М. Каддафи, когда широкой общественной

критике подверглись реальные цели интервентов. Нарушающие суверенитет миссии США в Сирии и в Красном море обходятся без прямой помощи Испании. Официальная позиция Мадрида заключается в том, что истинная цель интервенции — поиски прочного мира, а не демонстрация силы, приводящая к эскалации конфликта.

Руководствуясь этими переменными, можно интерпретировать и прогнозировать степень вовлеченности страны в военные миссии в будущем, а также реакцию Испании на интервенции других стран.

Поступила в редакцию / Received: 20.10.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 24.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 18.12.2025

Список литературы

- Андреева А.А. Испания в меняющейся стратегической ситуации // Испания: трудный выбор в условиях неопределенности / отв. ред. В.М. Давыдов. Москва : ИЛА РАН, 2022. С. 104–123. EDN: ZKSPKU
- Андреева А.А. Миротворческие процессы в Латинской Америке: роль Испании // Латинская Америка. 2019. № 12. С. 49–60. EDN: KZKPHR
- Баранин Ж. Гуманитарная интервенция и новые измерения концепции государственного суверенитета // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2014. № 1. С. 60–68. EDN: RVNCPL
- Борзова А.Ю., Волосяк О.В., Николашвили Н.Д. Гуманитарная политика Испании в Латинской Америке: особенности и приоритеты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 586–599. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-586-599>; EDN: SHFHWQ
- Куракина-Дамир А.А. От кризиса репрезентативности к повышенной фрагментации // Испания в новой национальной и международной реальности / отв. ред. П.П. Яковлев, А.А. Куракина-Дамир. Москва : ИЛА РАН, 2020. С. 13–23. EDN: CRSFPU
- Лыжина Е.В. Обеспечивает ли Европейский союз глобальную и региональную безопасность посредством военной или гражданской силы? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 60–63. EDN: MWPFVT
- Прохоренко И.Л. Стратегия Испании в Организации Объединенных Наций // Ибероамериканские тетради. 2020. Т. 8, № 2. С. 9–18. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2020-8-2-9-18>; EDN: QRGUDE
- Ростов Н.А. Испания в НАТО: финансовые аспекты // Ибероамериканские тетради. 2019. № 2. С. 20–25. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2019-2-20-25>; EDN: KQLHUQ
- Спирин Ю.П. Современные проблемы миротворчества ООН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2010. № 4. С. 50–58. EDN: MWPFVJ
- Сучков М.А., Ребро О.И., Сушенцов А.А., Байков А.А. Лидерство и принятие внешнеполитических решений в эпоху нового технологического уклада // Международные процессы. 2020. Т. 18, № 4. С. 62–80. <https://doi.org/10.17994/IT.2020.18.4.63.1>; EDN: HKARTS
- Хенкин С.М. Испанский социум: стабильная нестабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67, № 3. С. 44–54. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-3-44-54>; EDN: NGXWFG
- Яковлев П.П. Испания в мировой политике. Москва : ИЛА РАН, 2011. EDN: QPTMX
- Avilés Farré J. España, la OTAN y los conflictos de la antigua Yugoslavia // Anales de Historia Contemporánea. 2000. No. 16. P. 93–104. URL: <https://revistas.um.es/analeshc/article/download/57251/55151/241721> (accessed: 12.12.2025).
- Barrenechea L. Análisis de cuatro casos concretos de cooperación hispano-marroquí derivados del 11M // Revista UNISCI. 2017. No. 44 (Mayo). P. 115–135. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-91876/UNISCIDP44-6BARRENECHEA.pdf> (accessed: 12.12.2025).

- Bellamy A.J.* R2P: Concept, Aspirational Norm or Principle? Interview with Professor Alex J. Bellamy, University of Queensland (Australia) // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2018. Vol. 18, no. 4. P. 955–964. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2018-18-4-955-964>; EDN: YTNZNB
- Buzan B., Wæver O.* *Regions and Powers: The Structure of International Security*. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Caballero Díez A.* Implicaciones para España de Daesh en Libia // *Revista de Pensamiento Estratégico y Seguridad CISDE*. 2020. Vol. 5, no. 2. P. 41–61. URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=8772065> (accessed: 12.12.2025).
- Calduch Cervera R.* Asuntos exteriores de España: dimensión europea y Estatal. Ponencia presentada a la 47 Convención anual de la International Studies Association. San Diego, 2006. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-55164/lisa2006.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Fearon J.D.* Rationalist Explanations for War // *International Organization*. 1995. Vol. 49, iss. 3. P. 379–414. EDN: BZFOGD
- Fukuyama F.* The End of History? // *The National Interest*. 1989. No. 16. Summer. P. 3–18. URL: <http://www.jstor.org/stable/24027184> (accessed: 13.12.2025).
- Hasenclever A., Mayer P., Rittberger V.* Interest, Power, Knowledge: The Study of International Regimes // *Mershon International Studies Review*. 1996. Vol. 40, iss. Suppl. 2. P. 177–228. <https://doi.org/10.2307/222775>
- Keohane R.O., Nye J.S.* *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. Boston: Little, Brown, 1977.
- Kim W., Bueno de Mesquita B.* How Perceptions Influence the Risk of War // *International Studies Quarterly*. 1995. Vol. 39, iss. 1. P. 51–65. <https://doi.org/10.2307/2600723>
- López-Jacoiste E.* La guerra en Siria y las paradojas de la comunidad internacional // *Revista UNISCI*. 2015. No. 37 (Enero). P. 73–97. URL: <https://www.ucm.es/data/cont/media/www/pag-72478/UNISCIDP37-4LOPEZ-JACOISTE.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Michavila Núñez N.* Apoyo público a operaciones militares: factores clave // *Cuadernos de estrategia*. 2011. No. 148. P. 35–61. URL: <https://dialnet.unirioja.es/descarga/articulo/3838657.pdf> (accessed: 13.12.2025).
- Mintz A., DeRouen K., Jr.* *Understanding Foreign Policy Decisions Making*. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511757761>
- Molina I.* Estrategia de acción exterior: logro “ma non troppo” // *Política exterior*. 2015. Vol. 29, no. 163. P. 32–39. URL: <http://www.jstor.org/stable/43595449> (accessed: 09.11.2025).
- Pérez Muñelo F.* Exigencias y coste de la participación española en las Operaciones de Paz // *España en las operaciones internacionales de pacificación / coord. por I. Sepúlveda*. Madrid: Instituto Universitario General Gutiérrez Mellado, 2009. P. 145–160.
- Rosenau J.N.* *Linkage Politics: Essays on the Convergence of National and International Systems*. New York: The Free Press, 1969.
- Rosenau J.N.* *Turbulence in World Politics: A Theory of Change in World Politics*. Princeton: Princeton University Press, 1990. <https://doi.org/10.2307/j.ctv301hg5>
- Sánchez R.A.* Intervenciones humanitarias y opinión pública: de la exigencia al desencanto // *Revista CIDOB d’Afers Internacionals*. 2003. No. 60. P. 23–42. URL: <http://www.jstor.org/stable/40585944> (accessed: 12.12.2025).
- Seybolt T.B.* *Humanitarian Military Intervention: The Conditions for Success and Failure*. Oxford: Oxford University Press, 2007. <https://doi.org/10.1093/oso/9780199252435.001.0001>
- Tovar Ruiz J.* El idealismo wilsoniano en la política exterior estadounidense, ¿una doctrina recurrente? // *Revista española de ciencia política*. 2014. No. 35. P. 137–160. URL: <https://recyt.fecyt.es/index.php/recp/article/download/37629/21147/> (accessed: 09.11.2025).
- Travis M.B.* In Defense of the National Interest. By H.J. Morgenthau (New York: Alfred A. Knopf, 1951. Pp. 283. \$ 3.50.) // *The Journal of Politics*. 1952. Vol. 14, no. 1. P. 147–149. <https://doi.org/10.2307/2126393>
- Welch D.A.* The Organizational Process and Bureaucratic Politics Paradigms: Retrospect and Prospect // *International Security*. 1992. Vol. 17, no. 2. P. 112–146. <https://doi.org/10.2307/2539170>

Сведения об авторе:

Андреева Арина Анатольевна — кандидат политических наук, доктор наук (Мадридский университет Комплутенсе), младший профессор департамента международных отношений и всеобщей истории, Мадридский Университет Комплутенсе; Королевство Испания, 28040, г. Мадрид, пр-кт Сенеки, д. 2; eLibrary SPIN-код: 1040-6175; ORCID: 0000-0003-2841-4515; e-mail: arandree@ucm.es